

- В чем дело?

Спросила она, быстро поняв, что что-то не так.

- Я думаю, вам лучше присесть, Нива-Сан.

Ее улыбка быстро исчезла, когда она посмотрела на его серьезное лицо.

- Хорошо... Пожалуйста, проходите в приемную, я сейчас спущусь.

Она пригласила их войти с тревогой в голосе.

Они сидели, скрестив ноги, вокруг стола, а ИИ обнюхивал себя, гадая, будет ли от него пахнуть. Они не мылись уже много дней, и он не хотел, чтобы простое зловоние разрушило его шансы с такой красавицей.

Она пришла в сопровождении горничной, которая тут же спросила, не хотят ли они чаю.

- Это было бы здорово, спасибо, Шибата.

Сказал Дзикодзи с легкой улыбкой.

Горничная поклонилась, предоставив им заниматься своими делами, и удалилась в другую комнату хлопотать над чаем.

Они сидели молча, пока горничная не вернулась с чаем и не поставила его перед ними.

-Спасибо.

Сказала Акико, принимая чай обеими руками.

Горничная снова вышла из комнаты, и только тогда Акико осмелилась заговорить.

- Это из-за моего отца, не так ли?

Она довольно быстро сообразила, что к чему, и Генге неохотно кивнул в ответ. Ее голос звучал храбро, когда она старалась не дрожать, но они чувствовали в комнате, что она была ужасно близка к тому, чтобы опрокинуться через край.

- Это... это он..?

Она не осмеливалась произнести это слово, но было очевидно, что она имела в виду.

- Он покоится с нашими предками в Такамагахаре.

Торжественно произнес Генге. Сам он все еще не оправился от трагедии смерти Накатане и не смел даже представить себе, какую боль она сейчас испытывает.

Одинокая слеза скатилась по ее бледной щеке, когда она сидела на коленях, крепко сжав руки. Она впиалась пальцами в ладонь, заставляя себя не плакать – не перед таким количеством людей.

Но как бы она ни старалась, вторая слеза все равно потекла из другого глаза. Вместо этого она предпочла не обращать внимания на то, что это происходит, и продолжала говорить так, словно речь шла о делах, которые ее не касались.

- Понимаю. А как же имение моего отца? Как мы будем его защищать?

Дзикодзи воспользовался случаем – пока она еще могла собраться с мыслями – чтобы заверить ее, что планы уже в действии и ей не о чем беспокоиться.

- Я отдал свой меч Миуре, Акико-тян. Я верю, что он сможет повести за собой людей и защитить нас от тех, кто стремится причинить нам вред. Я знаю, что Накатане согласился бы с этим выбором.

-Да, я тоже с этим согласен. Если это Тадаката, то все будет в порядке.

Она попыталась улыбнуться, не понимая, что назвала Генге по имени в присутствии стольких людей. Дзикодзи принял это к сведению, но ничего не сказал – пока нет.

Ее голос - в ее ответе - дрожал теперь, когда она изо всех сил пыталась держать себя в руках. Они видели, что она вот-вот сломается, и теперь, когда они сказали то, что должны были сказать, они решили, что будет лучше оставить ее в покое.

- Тогда мы уходим, Миледи.

Сказал Дзикодзи, возвращаясь к более официальному тону в намеренной попытке заверить ее, что ее статус не станет меньше, чем был раньше. Миура будет просто служить главой семьи, чтобы гарантировать, что их интересы будут соблюдены, и что они не будут использованы в своих интересах.

-Ах да, конечно. Я думаю, что вы все очень заняты, теперь, когда вы вернулись... пожалуйста, делайте, что хотите.

Она дала свое разрешение, не позволяя слишком много эмоций в своем голосе, но она не могла встретиться ни с одним из них взглядом, так как ее глаза были прикованы к полу.

Они тихо поднялись, чтобы уйти, и вышли через раздвижную дверь.

-Ах, Миура, Пожалуйста, останься ненадолго. Мы должны... обсудить, как нам двигаться дальше.

Дзикодзи обменялся взглядом с Генге, видя, что их слова не соответствуют действительности. Для него это было в новинку, но он не встретил это с неодобрением.

Одним этим взглядом Дзикодзи дал ему понять, что он все понял, и Генге всерьез ожидал, что он заговорит. Но старик только кивнул и ушел, оставив их вдвоем.

Молодой человек смотрел им в спину, а Дзикодзи шел впереди остальных, показывая, где они могут немного отдохнуть.

Затем, глубоко вздохнув, он повернулся к Акико.

К тому времени, как он обернулся, ее лицо уже было залито слезами, и она тихо всхлипывала в рукав, пытаясь заглушить шум своего сопения.

-Т-тадаката... почему? Почему... почему это... почему это должно было случиться?

Он опустился рядом с ней, обняв ее за талию.

- Мне очень жаль.

Это было все, на что он был способен. Он знал, как сильно Акико доверяла ему. Хотя он никогда прямо не обещал защищать ее отца, она ожидала, что он это сделает. Он считал себя непогрешимым, но все же вернулся с горсткой людей рядом с собой.

- Глупо... я не это имела в виду....

Сказала она, шмыгая носом, заглядывая глубоко в его глаза, ища в них хоть какое-то утешение.

- Как же так?

Это были слова, которое она выдавила из себя. Она искала объяснений. Не о том, почему он умер, а о том, как.

- Нам был дан приказ, от которого мы не могли отказаться.

- Какой приказ?

Она не сводила с него глаз, не позволяя ему говорить ничего, кроме абсолютной правды.

- Приказ атаковать отряд из тысячи солдат-спичечников.

- Одни".."?? Зачем им это делать?

Спросила она немного задыхаясь, ее теплое дыхание коснулось его шеи, когда он изо всех сил старался смотреть ей в глаза. Ему было трудно говорить об этом без того, чтобы не рассердиться. И это было последнее, что он хотел, чтобы Акико увидела его. Его гнев был чудовищен – как и весь их гнев.

- Потому что они могут, Акико. Это единственная причина, которая им нужна. Мы не могли противостоять им.

- Но отец... но отец всегда приходил, когда они звали... он был хорошим... он был хорошим человеком... зачем им это делать? Почему именно к нему..?

- Так оно и было. Он был лучшим из людей. Это честь всей моей жизни-сражаться на его стороне. И для меня будет честью защитить его прекрасную дочь.

-Тадаката...

Она заплакала еще сильнее, видя, что он не может ответить на ее вопрос. Почему ее отец умер так бесплодно...

- Знаешь что, Акико?

Он крепко обнял ее, как он говорил возле ее уха.

- Против силы в тысячу человек – они послали нас умирать, но мы победили. Армия Нива победила их. Твой отец победил их. Хотя они и отправили его в могилу, он не съезжился. Он сделал гораздо больше, чем они от него ожидали. Он-герой. Держите это крепко в своем сердце, потому что его кровь течет по вашим венам.

- Он... он действительно ушел?

Она крепко сжала его руку, пытаясь осознать, что больше не увидит лица своего отца. Что она больше не сможет слышать его голос. Она чувствовала, что осталась одна.

- Нет, он здесь. Даже больше, чем когда-либо. Дзикодзи и я – мы планируем заставить мир услышать его имя, потому что он даровал нам силу, которой мы обладаем. Мы будем добиваться справедливости, и никто никогда не забудет, что Накатане, отец Акико, был величайшим человеком, когда-либо ступавшим в нашу провинцию.

- Ты хочешь еще воевать? .. Но ты только... Ах... я снова буду одна....

- Нет, Акико. Отныне мы будем сражаться вместе. Я не покину тебя, клянусь.

- Неужели?

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза, черпая надежду в этом обещании.

-Да. Я построю нашу маленькую империю, начиная с этой самой деревни, пока она не достигнет ворот замка Дайме, и его дом станет нашим домом.

-Империя..?

Повторила она. Она не стремилась к большей власти, но понимала, что в его голосе звучали страсть и твердость. Он действительно верил в то, что говорил. И если это принесет ее отцу мир, то она поддержит его всем сердцем.

- Действительно. Больше никто у нас ничего не отнимет. Мы сделаем все возможное. Мы станем богами, перед которыми такие, как Имагава, должны будут низко поклониться, чтобы не обидеть нас.

- ...Я не возражаю, пока ты здесь... пока ты обещаешь не оставлять меня одну... тогда... тогда я смогу увидеть надежду.

Она протянула руку к его щеке, чувствуя тепло его кожи. Она не хотела забывать форму его лица. Она боялась, что если отпустит его, то он тоже может исчезнуть. Он может исчезнуть в облаке пепла, и больше его никогда не увидят. А потом придут мужчины, чтобы сообщить ей о его кончине.

Ее глаза были полны печали, но их красота оставалась незапятнанной. В его глазах было что-то похожее на скорбь, но в них он не мог скрыть пылающий огонь. Она заметила это, и даже больше. Она заметила, что теперь в нем появилась какая-то резкость. И она заметила, что его

улыбка не приходит так легко.

То, что она чувствовала, развиваясь в нем раньше, когда он впервые начал свой путь крови... теперь, казалось, вот-вот поглотит его. Но он был сильным. Такой по-настоящему сильный. Даже если бы это было проявлением чистого зла, она не отвергла бы его.

Она положила ладонь ему на грудь, чувствуя, как бьется его сердце, убеждая себя, что в его теле еще есть жизнь.

Он обещал ей величие. Он произносил слова, которые никогда не должны были слетать с уст крестьянина. И все же она верила каждому из них. Он всегда был великолепен, но теперь он был просто ужасен. Он стал демоном – но он был ее демоном. В его объятиях она чувствовала себя в безопасности.

Ее палец скользнул по его губам, когда она приблизила свои, ища тепло, которого еще не испытывала. В поисках самого верного подтверждения своих слов.

Он ни в малейшей степени не сопротивлялся ее прикосновению, а вместо этого сам двинулся вперед. Несмотря на все то, что сломалось внутри него, он нуждался в этой компании.

Их губы встретились, и они страстно поцеловались, закрыв глаза, пытаясь найти противоядие от пульсирующей боли в их сердцах.

Для своих людей он поклялся быть носителем хаоса. Он поклялся принести им славу и справедливость, которых они так желали. Но все удобства вокруг его души рухнули. Приняв на себя это великое бремя и смирившись со смертью тех, кого он любил, он стал кем-то другим. Он стал символом, который человеческое тело не могло даже надеяться удержать.

Эта женщина, столь сокрушенная потерей отца, признала его сокрушенность не словами, а делом. Через переплетение их двух страдающих сердец они искали то, чего не могли найти нигде. Они компенсировали свою некомпетентность через поддержку другого человека, и от этого они получили большую силу.

Их губы приоткрылись, а глаза открылись. В этом взгляде, которым они обменялись, было понимание, так как два очень разных человека имели свои мозги, работающие в гармонии друг с другом.

Как будто они сидели в мире, отличном от нашего, и когда Шибата вошла, чтобы забрать их чашки, она обнаружила, что ее ноги не хотят двигаться дальше из-за страха потревожить такой совершенный образ.

- Я люблю тебя, Миура Тадаката.

- Я тоже люблю тебя, Нива Акико.

<http://tl.rulate.ru/book/33825/1102574>